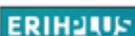
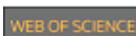

Чэнь Яньсю. «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева в оценке переводчицы Лэй Жэнь: к вопросу о рецепции романа в Китае / Чэнь Яньсю, И. А. Беляева // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 143—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-143-157.

Chen Yanxiu, Belyaeva, I. A. (2019). “The Noble Nest” of I. S. Turgenev in Assessing Translator Lei Ran: on the Issue of the Novel Reception in China. *Nauchnyi dialog*, 2: 143-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-143-157. (In Russ.).

УДК 821.161.1Тургенев.03=581

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-143-157

«Дворянское гнездо» И. С. Тургенева в оценке переводчицы Лэй Жэнь: к вопросу о рецепции романа в Китае

© **Чэнь Яньсю (2019)**, orcid.org/0000-0003-4974-0993, аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), chenyanxiu001@gmail.com.

© **Беляева Ирина Анатольевна (2019)**, orcid.org/0000-0003-2840-4034, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), belyaeva-i@mail.ru.

В статье в рамках общего вопроса о восприятии романа Тургенева «Дворянское гнездо» в Китае рассмотрены оценки этого произведения, которые были предложены известной китайской переводчицей и знатоком русской культуры Лэй Жэнь. Новизна исследования состоит в том, что в статье впервые аналитически изложена позиция переводчицы, которая отличается глубиной и представляет собой системную оценку романа. Выявляются сильные стороны рецепции Лэй Жэнь романа «Дворянское гнездо», которые связаны с наблюдениями переводчицы над поэтикой этого сочинения (сюжетная структура, приемы контрастов и сопоставлений, психологизм, лаконичность, лиризм и др.), а также с ее размышлениями о проблемах взаимодействия западных настроений с национальной идеей. Спорными представляются оценки Лэй Жэнь религиозности главной героини и религиозных верований, отличающих русскую культуру в целом. В них переводчица видит объективную и субъективную обусловленность трагического итога личной истории главных героев романа Тургенева. Это в целом отвечает характеру восприятия этих вопросов китайским обществом, но едва ли отражает русские реалии. Интерпретация романа «Дворянское гнездо», предложенная Лэй Жэнь, оценивается в статье как важный этап китайской тургенианы.

Ключевые слова: Тургенев; «Дворянское гнездо»; Лэй Жэнь; перевод; рецепция; герой; поэтика.

1. Введение

Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» привлекает сейчас особое внимание, в том числе иностранных специалистов, поскольку, как отмечают современные исследователи, это один из самых «русских», если так можно сказать, романов писателя, в котором запечатлены основные культурные коды, помогающие понять природу русского человека [Беляева, 2018а; Беляева, 2018б]. В Китае этот роман был всегда востребован, и, хотя интерес к нему был меньше, чем к остро социальным тургеневским текстам («Запискам охотника», «Отцам и детям») или малой лирической прозе («Стихотворения в прозе»), к настоящему моменту насчитывается более двадцати переводов «Дворянского гнезда» [Чэнь Яньсю, 2017, с. 31]. Многие из переводов представляют собой опыт настоящего творческого сотрудничества с писателем и сопровождаются содержательными предисловиями, объясняющими значение этого романа, без которых китайскому читателю было бы сложно ориентироваться в культурно-исторических реалиях и ментальных особенностях героев «Дворянского гнезда» Мы хотим обратиться к работе известной китайской переводчицы Лэй Жань.

Лэй Жань известна в Китае как большой знаток русской культуры, автор одного из первых учебников русского языка и блистательная переводчица. Она перевела немало художественных произведений русских писателей XX века: «Дни и ночи» К. М. Симонова [Симонов, 1946]; «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого [Полевой, 1949]; «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко [Макаренко, 1957]; «Последний из Удэге» А. А. Фадеева [Фадеев, 1963]. Из писателей XIX века (Лэй Жань переводила «Выстрел» [Пушкин, 1951] и «Барышню-крестьянку» [Пушкин, 1947] А. С. Пушкина, романы «Рудин» [Тургенев, 1990] и «Дворянское гнездо» [Тургенев, 1955] И. С. Тургенева) ей ближе всех был последний. Младшая сестра переводчицы Сюй Буцзэн в «Воспоминаниях о моей сестре Лэй Жань и прошлой жизни в Шанхае» [Сюй Буцзэн, 2011] подчеркнула, что из всего творчества Тургенева Лэй Жань больше всего любила роман «Дворянское гнездо». Роман был переведен с русского языка (это очень важно, поскольку первые переводы делались в основном с английского варианта с учетом французских и немецких версий) и впервые опубликован в 1955 году в издательстве «Народная литература». В дальнейшем этот перевод неоднократно переиздавался (в 1991 и 2001 годах). Первому переводу предшествовало развернутое предисловие, предлагавшее читателю общий взгляд на роман Тургенева и помогавшее — в отсутствие на то время сложившейся традиции научных интерпретаций этого текста — ориентироваться в этом художественном произведении.

Для Лэй Жэнь «Дворянское гнездо» было не столько художественным сочинением, сколько документом эпохи, в котором нашли отражение историческое время и социальная реальность. Этот роман, как подчеркивала Лэй Жэнь, был задуман Тургеневым в 1856 году, вскоре после публикации «Рудина», но завершён в конце 1858 года, то есть накануне отмены крепостного права, поэтому в нём ощущалась связь с теми вопросами, которые волновали Тургенева в «Рудине», но были поставлены и новые, предреформенные проблемы. Лэй Жэнь полагала, что «Дворянское гнездо» имеет как сходство с романом «Рудин», так и значительное отличие от него. Сходство заключается в том, что в этом романе писатель все еще думает об историческом статусе дворянской интеллигенции, а отличие состоит в ином понимании ее будущего. Если в «Рудине», по мысли Лэй Жэнь, Тургенев верил в историческую роль дворянства, то в «Дворянском гнезде» он пришел к признанию того факта, что влияние аристократического класса на исторический процесс в России постепенно шло к закату. В обоих романах исторические проблемы событийно находили выражение в любовной истории, которая разворачивается в «Рудине» между Рудиным и Натальей Ласунской, а в «Дворянском гнезде» — между Лаврецким и Лизой Калитиной. Последние и оказываются в фокусе интереса переводчицы, которая предлагала свою трактовку этих персонажей.

2. Персонажи романа в трактовке Лэй Жэнь

Лаврецкий виделся Лэй Жэнь искренним, честным, добрым и простым человеком. Несмотря на свое дворянство, он сочувствовал страданиям «обычных» людей — низкого происхождения. Это произошло, как полагала переводчица, оттого, что мать Лаврецкого была крепостной, а значит, и в его жилах текла крестьянская кровь. Вернувшись из-за границы, Лаврецкий понял, что хочет «пахать землю», а это значит, он решил укорениться на родной земле. Лэй Жэнь была убеждена, что Лаврецкий не был западником, хотя много лет его воспитывали по западному образцу. Здесь нужно отметить, что для первых китайских переводчиков романа — Ли Ни и Лэй Жэнь — вопрос о возможности примирить западнические идеи с национальной самобытностью был очень важен и исторически обусловлен, оттого и привлекательным в этом плане казался роман «Дворянское гнездо», где эта проблема стояла очень остро. Лэй Жэнь считала, что у Тургенева представлен ожесточенный конфликт между Лаврецким как сторонником национальной идеи и Паншиным как фанатичным сторонником западного пути. Паншин решительно ничего не принимает в своем от-

ечестве, поклоняется западноевропейской культуре и считает, что Россия должна полностью «трансплантировать» западную социальную систему. Лаврецкий же представлялся Лэй Жэнь искренним патриотом, думающим о будущем русского народа. Он не против реформ, но просто считает, что для их осуществления нужно прежде всего хорошо понять свою родину и свой народ. Западнику Паншину Лаврецкий казался отсталым консерватором, но Лэй Жэнь, очевидно, не согласна с таким мнением: «Лаврецкий не принадлежит к твердолобым славянофилам, как сказал Паншин. Просто Лаврецкий привносит в так называемую “народную правду” и “скромность” немного славянского вкуса» [Тургенев, 1991, с. 3].

Лэй Жэнь предложила читателям сравнительную характеристику Лаврецкого и Рудина. Во всех шести романах Тургенева, как подчеркнула переводчица, изображается быстро меняющееся российское общество, поэтому переход от Рудина к Лаврецкому отражает один из этапов общественного развития. Лаврецкий, в отличие от Рудина, преодолел “космополитизм”, он не дистанцируется от народа, хотя и остается с ним только в мыслях. Герой «Дворянского гнезда» уже не говорит попусту и начинает действовать, хотя и не знает точно, что именно нужно делать. Он уже не так безволен, стал спокойнее и упорнее, смог выдержать удар судьбы. В этом смысле Лаврецкий очевидно сильнее Рудина, но все равно он человек слабый — так считает Лэй Жэнь. Михалевич в романе однажды раскритиковал Лаврецкого за то, что у него не было веры и энтузиазма, за то, что жил для себя, ничего не делая, был ленивым человеком и даже более — *образованным* ленивым человеком. Хотя слова Михалевича и звучат немного резко, но, как полагает Лэй Жэнь, на это есть причина, и потому друг Лаврецкого прав. Как дворянский интеллеktуал, подчеркивает Лэй Жэнь, Лаврецкий, конечно, в данном случае уступает Рудину. Ему не хватает социальных идеалов и целеустремленности, активности, но он все же может взять себя в руки, начать что-то делать, чтобы изменить ситуацию. Михалевич же обладает духом Дон Кихота и всегда готов служить идеалу. В некоторой степени он является «преемником Рудина» [Лэй Жэнь, 1991, с. 3].

Лэй Жэнь не могла миновать вопроса о любовной трагедии Лаврецкого. Она высказала свою точку зрения по этому вопросу, обозначив причины случившегося. Размышления переводчицы опять выстраиваются на сопоставлении двух историй: Рудина и Натальи, Лаврецкого и Лизы. Лаврецкий, как полагает Лэй Жэнь, был очень привязан к Лизе. И хотя его любовь к ней была изначально подсознательна, но одновременно и настойчива, а позже стала яснее осознаваема им. Известие о смерти

жены заставило его сделать решительный шаг вперед. Спор с Паншиным помог Лаврецкому в конце концов завоевать любовь Лизы. Это значит для него не только счастье, но и восстановление жизни. Михалевич когда-то сказал Лаврецкому, что ему нужен какой-то чистый ангельский человек, чтобы спастись от апатии. И Лаврецкий сам надеялся, что Лиза вдохновит его на серьезные и честные усилия, чтобы они могли вместе идти к лучшему будущему. Однако светлая мечта обернулась трагедией.

Лэй Жань задается вопросом, отчего же это произошло. Она полагает, что, например, если главная причина неудачи Рудина в любви заключается в его субъективной слабости, то причины любовной трагедии Лаврецкого включают и субъективные, и объективные факторы. Объективные факторы состоят в некоторых традиционных представлениях и обычаях русского общества того времени. И Лиза как раз является представительницей этих идей и обычаев. В сердце Лизы религиозные верования занимают самое важное место и становятся причиной ее окончательного решения расстаться с Лаврецким. Лаврецкий же никогда не решался дать даже небольшой совет Лизе, не вторгался в сферу ее настойчивых религиозных убеждений. Он не мог ни убедить ее передумать, ни отклонить ее просьбу, а мог только повиноваться судьбе, потому что ему невозможно противиться этим глубоко укоренившимся традиционным представлениям. А субъективно — Лаврецкий добровольно принял этот трагический результат. По мнению героя, как полагает Лэй Жань, личное счастье и социальные обязательства противоречат друг другу. Он часто осуждал себя, считал, что не должен забывать последнее в погоне за первым, не имел права стремиться к счастью. Тургенев неслучайно сопровождает подобные настроения Лаврецкого изображением бедных, удрученных своей долей крестьян, которых герой встречает у дверей церкви: это своего рода знак признания своей обреченности и смирения перед вековыми традициями. Отметим, что так трактует переводчица одну из самых ярких и светлых, по нашему убеждению, сцен в романе, она даже, как увидим далее, усматривает в ней картину социального контраста. В то время крестьянская кровь Лаврецкого сыграла свою роль. Тяжелое положение русских крестьян оказало сильное влияние на его сердце. Герой осознал, какие страдания дворянский класс принес крестьянам. Он считал, что по сравнению с судьбой крестьян, живущих на дне общества, счастье, которое он преследует, ничтожно мало. Так что, в некоторой степени, Лаврецкий добровольно отказался от счастья, в духе дворянского покаяния.

После ряда несчастий и трагической истории с Лизой Лаврецкий не утратил веру в будущее и желания действовать. В эпилоге романа герой

научился пахать землю и «насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян» [Тургенев, 1981, с. 157]. Он не оцепенел и не стал равнодушным ввиду своих личных страданий. Хотя Лаврецкий и испытывал грусть, но он без темных чувств смотрел на радостную жизнь молодого поколения, которое он благословил. Поэтому Лэй Жань считает, что Тургенев в романе, как и его герой, возлагал все надежды на молодые силы и верил, что они смогут изменить мир и жить лучше, счастливее, чем их отцы и деды.

Особый интерес в китайской культуре всегда вызывал образ Лизы Калитиной. Лэй Жань, как и многие ее коллеги-переводчики и читатели, видела в тургеневской героине воплощение красоты и чистоты. Лэй Жань считала, что Лиза — уникальная натура, не такая, как окружающие ее люди, которые едва ли могли ее понять. Поэтому в некоторой степени героиня не соответствовала окружающему ее обществу. Отец ее рано умер. Мать Лизы, Марья Дмитриевна, хотя всегда казалась сентиментальной, на самом деле была близорукой, мелочной, довольно эгоистичной и вульгарной женщиной. Бабушка Марфа Тимофеевна обладала добрым характером, но была слишком вспыльчива. Паншин — человек светский — также внутренне Лизе не близок, хотя героиня и признается, что он ей нравится. До появления Лаврецкого почти все думали, что Лиза будет вместе с Паншиным. Но Лэй Жань полагает, что, даже если бы Лаврецкий и не появился, Лиза никогда бы не полюбила Паншина. Лиза очень молода и проста, она редко общается с людьми, поэтому ей не хватает жизненного опыта. Но это не значит, что она ребенок, у которого нет своего мнения и который легко доверяет другим. Первый разговор Лизы с Паншиным в романе состоялся в шестой главе, когда Паншин, который обычно внимательно прислушивается к речам и вглядывается в выражение лица своего собеседника, сказал Лизе, что он якобы «неосторожно» обидел Лемму. Но Лиза почувствовала фальшь и холодно ответила: «Я вас еще мало знаю» [Тургенев, 1981, с. 22]. Лиза очень осторожна в оценках, к тому же на протяжении романа она никогда глубоко и искренне не общалась с Паншиным. Отношения между ними довольно холодны. Лемма когда-то заметил, что Лиза никогда не полюбит Паншина. На самом деле, как отмечает Лэй Жань, это Тургенев устами старого музыканта намекнул на то, что Лиза и Паншин по существу разные люди, из разных миров. Им невозможно быть вместе. Позже многие поступки Лизы как раз подтвердят это мнение писателя.

Лэй Жань считает, что характер Лизы наиболее полно раскрылся в разговорах с Лаврецким и только Лаврецкий понял и почувствовал Лизу. Герой отмечает, что у Лизы серьезный взгляд и строго сложены губы, что она смотрит и думает серьезно, он любит «когда она вдруг остановится,

слушает со вниманием, без улыбки, потом задумается и откинёт назад свои волосы» [Тургенев, 1981, с. 60]. Очевидно, полагает Лэй Жань, что Лиза является, в современной психологической терминологии, интровертом. Она молчалива, всегда думает и наблюдает. Ее сердце открывается только тому, в ком можно найти отклик. Таким человеком как раз и является Лаврецкий. Оттого Лиза и начинает вдруг говорить с Лаврецким о его личной жизни — о том, может ли он простить жену. Эта, казалось бы, личная проблема Лаврецкого тесно переплетена с любовью Лизы. По мысли Лэй Жань, Лиза спросила Лаврецкого о жене именно потому, что она уже считала его своим другом, человеком, которому можно доверять. После спора между Лаврецким и Паншиным она призналась себе в том, что любит Лаврецкого. В этом споре Лиза наконец ясно увидела настоящее лицо Паншина и уверенно выбрала Лаврецкого. Причина, по которой она приняла это решение, заключалась в том, что девушка нашла душевный отклик в Лаврецком — их объединяла любовь к родине и к народу.

Лэй Жань обратила внимание на еще одну важную черту образа Лизы — на ее глубокую религиозность, которая, по мнению переводчицы, стала одной из важнейших причин любовной трагедии героини. Это свойство характера сформировалось под влиянием кормилицы Агафьи. Прямолинейная, суровая и набожная крестьянка, как характеризует Лэй Жань Агафью, смогла привить Лизе сильное религиозное чувство, когда в детстве воспитывала в ней простоту и доброту. По мнению Лэй Жань, религиозные идеи глубоко запечатлелись в душе Лизы, поэтому даже после того, как Агафья ушла и Лиза уже ничем не была с ней связана и жила почти независимо, девушка все равно продолжала думать так, как привыкла с детства. Однако, как полагает переводчица, религиозное чувство не устраняло, а, наоборот, усиливало внутреннее противоречие в мироощущении Лизы. С одной стороны, религия призывала любить всех людей, в том числе и Варвару Павловну, и Паншина, но с другой стороны, любовь — очень личное, субъективное чувство, которое не поддается общим законам. К тому же, как подчеркивает Лэй Жань, религиозные принципы не позволяют любить женатого мужчину, поэтому Лиза часто, как пишет Лэй Жань, приходила в смятение. После известия о смерти Варвары Павловны, как оказалось после — ложном, ее чувство вины не уменьшилось, а когда жена Лаврецкого вернулась, Лиза восприняла свою встречу с ней как особое наказание для себя. При этом ее мысли и чувства были очень сложны и противоречивы: хотя Лиза знала, что не должна любить Лаврецкого, она не могла подавить любовь в своем сердце; в момент встречи с Варварой Павловной Лиза считала себя заслуженно наказанной,

но испытывала отвращение к ней, хотя и пыталась подавить эти чувства. Отметим, что переводчица внимательно фиксирует нюансы внутренних противоречий, казалось бы, такой внутренне целостной тургеневской героини, поскольку они свидетельствуют о серьезном конфликте между религиозностью Лизы и ее земными чувствами.

Лиза, как полагает Лэй Жань, фаталистка, она считает, что все управляется Богом: если несчастье случается, то люди ничего не могут сделать, а могут только слушать Бога. Она также верит в дух самопожертвования, в святых и в страдания, поэтому решает уйти в монастырь. Иных причин этого поступка переводчица не находит. Однако в эпилоге романа автор показывает, что героиня не лишена земных страстей. Когда Лаврецкий увидел ее в монастыре, «только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу» [Тургенев, 1981, с. 158]. Поведение героини, по мнению Лэй Жань, свидетельствует о том, что живые человеческие чувства не оставили Лизу и продолжают сопротивляться ее религиозности.

Кроме приверженности вере, другой важной причиной трагедии Лизы являются, по мнению Лэй Жань, идеи искупления и добровольного отказа от счастья. В этом смысле Лиза похожа на Лаврецкого. Ее слова: *Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю всё. Всё это отмолить, отмолить надо* [Тургенев, 1981, с. 151] — свидетельствуют о том, что Лиза ясно понимала, какую роль в тяжелых страданиях крестьян играет дворянский класс. Героиня хотела искупить вину своей семьи, всех дворян в своем лице и думала, что она сама не имеет права стремиться к счастью. Поэтому девушка охотно отказалась от счастья, считает Лэй Жань. Идея вины дворянства владела и Лаврецким. По мнению Лэй Жань, подобное чувство вины и боязнь счастья составляют важную особенность психологии всего русского дворянства, которое постепенно двигалось к закату. Обусловлено это тем, что старая система сословной иерархии постепенно устаревала, социальные противоречия усиливались, нерациональность существующих законов, регулирующих отношения между барнином и крестьянином, была очевидна. Российская реальность не соответствовала высоким личным требованиям лучших представителей дворянства, чем и объяснялось их трагическое мироощущение.

Образы Паншина и г-жи Лаврецько й также привлекли внимание Лэй Жань. Переводчица оценивает Паншина как эгоистичного, хитрого, лицемерного чиновника, а Варвару Павловну — как легкомысленную и порочную развратницу, не имеющую ни сердца, ни души. Этих героев

объединяет то, что оба они крайние западники, у которых в сердце совсем нет родины и народа: Паншин преклоняется перед западными идеями, тело и разум г-жи Лаврецкой разъедает западная культура. Они сошлись во взглядах на жизнь и поэтому полюбили друг друга с первого взгляда. По мнению Лэй Жэнь, Тургенев детально изображает этих двух персонажей в романе именно для того, чтобы создать резкий контраст между ними и Лизой с Лаврецким. Автор показывает не только полную противоположность этих пар с точки зрения личных качеств героев, но и их мировоззренческий антагонизм в вопросе о пути развития России. С помощью победы Лаврецкого над Паншиным в их известном споре Тургенев выразил свое мнение по этому вопросу: можно заимствовать опыт западной Европы, но нельзя полностью заменить свою национальную культуру западной культурой; западный опыт должен обязательно согласовываться с национальной идеей.

3. Интерпретация Лэй Жэнь сюжетных линий романа

Отдельное внимание Лэй Жэнь уделила особенностям художественной структуры романа. Она полагала, что в «Дворянском гнезде» есть две значимые линии: Лаврецкий—Варвара и Паншин—Лиза. Они и параллельны, и перекрестны. По мере развития сюжета персонажи менялись местами. С помощью этого приема Тургенев смог подчеркнуть главную тему «Дворянского гнезда», связанную с будущим России.

Кроме того, Лэй Жэнь высоко оценила умение Тургенева в тексте сравнительно небольшого объема, охватывающего события нескольких месяцев, выражать глубокое содержание: «...В романе, — пишет она, — изображается русская жизнь и культура почти полутора столетий. Но Тургенев сосредоточил свое внимание на событиях всего двух месяцев. Он хорошо использовал метод отступления, чтобы выразить в малом полноту своей мысли» [Лэй Жэнь, 1991, с. 12]. Сюжет романа развивается очень динамично: история, представленная в романе, хронологически занимает не более двух месяцев, однако на самом деле все, что изображает Тургенев, происходит в еще более сжатые сроки — в несколько дней. Почти все главные персонажи появляются к седьмой главе романа. Сюжет в средней части развивается немного медленнее, потому что зарождение и развитие любовной линии всегда занимает определенное время. Начиная с 34-й главы и до конца романа, действие развивается быстрее: с момента, когда Лаврецкий и Лиза поняли, что любят друг друга, до момента, когда Лиза решила уйти в монастырь, проходит всего пять

дней. Даже с учетом времени, которое Лаврецкий потратил на то, чтобы проводить Варвару Павловну в Лаврики, действие длится всего семь дней. При этом довольно часто автор внезапно изменяет ситуацию. Так, после того как Лаврецкий провожает Лизу домой из Васильевского, он мечтает о возможности быть вместе с этой ангельской девушкой и на следующий день находит в газете известие о смерти своей жены. Затем, после спора с Паншиным, Лаврецкий окончательно завоевывает любовь Лизы, но тут же неожиданно появляется Варвара Павловна, поскольку известие о ее смерти оказалось ошибочным. Таким образом, любовь Лаврецкого и Лизы подобна весеннему сну: кажется, что она может стать реальностью, любовное признание в ночном саду дарит им надежду, но в этот же день все надежды рушатся. Варвара Павловна возвращается именно в тот день, когда Лиза отказывается от сделанного Паншиным предложения руки и сердца. Надежду на счастье омрачает тень несчастья. Лизу осуждают и Марья Дмитриевна за то, что девушка отвергла Паншина, и Марфа Тимофеевна за ее встречу ночью с Лаврецким. На следующий день Лиза узнает из письма Лаврецкого о возвращении Варвары Павловны, а через два часа после получения известия ей приходится пережить мучительные минуты встречи с самой женщиной. Время действия предельно сконцентрировано, перемены в развитии сюжета внезапны, но перо писателя при этом спокойно, — справедливо полагает Лэй Жэнь.

Помимо стремительного развития действия, у Тургенева, по мнению Лэй Жэнь, есть свои уникальные способы оформления сюжетных линий. Например, писатель не сразу представил историю формирования характера Лизы, он изложил ее только в 35-й главе. Содержание этой главы в романе сопровождает развитие любовной истории от счастья к краху надежд. В ней описываются истоки религиозности Лизы, которую Лэй Жэнь считает одной из решающих причин любовной трагедии героев. Тургенев умело представил эту характеристику Лизы в переломный момент сюжета. Похожую роль в организации сюжета играет и визит Михалевича в 25-й главе. Главная цель приезда старого друга Лаврецкого состоит в том, чтобы раскритиковать лень героя и убедить его взбодриться и изменить ситуацию. В момент расставания Михалевич говорит Лаврецкому: «Но я вижу, тебе нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя из твоей апатии» [Тургенев, 1981, с. 78]. В 24-й главе сердца Лаврецкого и Лизы уже принадлежали друг другу, и этот совет Михалевича, высказанный в следующей главе, только утвердил Лаврецкого в его чувствах. Позже, в 31-й главе, когда герой ясно осознал, что любит Лизу, он все же еще колеблется. Лаврецкий не уверен,

должен ли он снова вручить свою судьбу женщине, но сразу понимает: *Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, строгий труд, и мы пошли бы оба вперед к прекрасной цели* [Там же, с. 96]. Словом, 25-я глава рассматривается Лэй Жань как поворотная, или ключевая, в развитии истории любви Лаврецкого к Лизе.

Лэй Жань показала, что метод сопоставления при изображении персонажей был особенно любим Тургеневым. В «Дворянском гнезде» он использовался писателем особенно часто, поскольку роман был построен на приеме контраста, в частности, в романе можно найти такие прямо противоположные натуры, как Лаврецкий и Паншин, Лиза и Варвара Павловна, Марфа Тимофеевна и Марья Дмитриевна и др. Писатель также мог подчеркивать характер того или иного персонажа с помощью противоположных оценок его другими персонажами. Например, о Паншине высказываются многие: Гедеоновский, Марья Дмитриевна, Марфа Тимофеевна, Варвара Павловна, Лемма, Лаврецкий и Лиза, — они по-разному характеризуют героя, что помогает выявить не только особенности личности Паншина, но и характеры самих говорящих о нем.

Саморазоблачение персонажей, основанное на противоречии между видимым поведением и ненамеренным действием, также является важным художественным приемом в романе Тургенева. Так, Паншин — изворотливый человек, никогда не действующий спонтанно, однажды проговаривается, что был небрежен и обижал других “непреднамеренными” глупыми словами. Паншин презирает Лемма, но делает вид, что это не так, улыбаясь старику и обнимая его. Варвара Павловна называет Марью Дмитриевну своей спасительницей, а за глаза, говоря по-французски, высмеивает ее. Она лицемерно говорит мужу о своем раскаянии и пытается убедить его в том, что стала добродетельной женщиной. Писатель не высказывает прямо своих собственных оценок противоречиям в поведении героев, а просто ставит персонажей перед зеркалом искусства, чтобы объективно показать читателю их истинные лица. По мнению Лэй Жань, этот прием Тургенев использовал, чтобы представить сущность вещей в свете объективной реальности, что и было всегда последовательным стремлением писателя.

В китайской литературно-критической традиции всегда ценились психологические описания Тургенева. Лэй Жань заметила, что писатель не использует прямое описание внутреннего мира персонажей, а предпочитает изображать изменения в их психологических портретах посредством поведения героев, в том числе и их речевого поведения. Такой

способ психологического портретирования, по мысли переводчицы, может дать возможность читателям проявить больше фантазии. В качестве одного из лучших примеров реализации указанного способа можно привести изображение чувств Лаврецкого, когда он узнал об измене жены. Сначала под его ногами качался пол. Он чувствовал себя так, будто стоял на палубе во время шторма. Он заплакал и закричал. Вскоре после этого он с разочарованием посмотрел на пол: ему казалось, что он падал, падал, падал... и конца не было. И далее: *Весь остаток дня и всю ночь до утра пробродил он, беспрестанно останавливаясь и всплескивая руками: он то безумствовал, то ему становилось как будто смешно, даже как будто весело* [Тургенев, 1981, с. 52]. Можно увидеть, что сложные эмоции Лаврецкого последовательно отражены в его внешнем поведении, такое динамическое описание позволяет читателю правильно понять внутреннее состояние героя.

Лэй Жэнь особенно ценила в Тургеневе выдающееся совмещение двух начал: «романиста и поэта» [Лэй Жэнь, 1991, с. 15]. По ее мнению, богатая лирическая атмосфера, несомненно, является главной чертой романа «Дворянское гнездо». Лирический стиль ярче всего представлен в изображении природы. Поэтому пейзажи, появляющиеся в романе, не только самодостаточны и красивы, но и передают глубокие чувства автора. Медленно мелькавшие ракиты, глупые вороны и грачи, длинные межи, заросшие чернойбыльником, польню и полевой рябиной, жидкие березы, свежая, степная, тучная голь и глушь, зелень, длинные холмы, овраги с приземистыми дубовыми кустами — все эти простые детали в изображении Тургенева, как подчеркивает Лэй Жэнь, стали поэтическими. Одновременно пейзажи являются фоном для действия и для поступков героев, служат внешними свидетельствами их переживаний. Например, описание природы в 18-й главе связано с выражением любви Лаврецкого к родине, вызывает у него воспоминания о детстве. Изображение природы в 20 главе позволяет читателю почувствовать усталость Лаврецкого. Таким образом, лиризм является особой гранью стиля «Дворянского гнезда».

4. Заключение

Оценка романа «Дворянское гнездо», предложенная Лэй Жэнь в качестве своего рода путеводителя по тургеневскому тексту для читателей ее перевода, представляет собой системный взгляд на это произведение Тургенева. Подробно и глубоко анализируются переводчицей центральные персонажи романа, рассматривается его художественная структура. Наиболее тонкие и интересные наблюдения предложены Лэй Жэнь в связи с изучением отдельных аспектов поэтики произведения: природы контра-

стов, функциональности перекрестных сюжетных линий, психологизма, лаконичности текста и лиризма. Безусловно, важно, что Лэй Жэнь рассматривает роман в качестве культурно-исторического материала, который для китайского читателя является источником представлений о русском человеке и обществе XIX века. Ценны замечания Лэй Жэнь о западничестве и национальной идее, которые художественно осмыслены Тургеневым в этом произведении так, что оказываются близки и понятны китайскому читателю, также немало размышляющему о своем пути развития. Глубоки и интересны тонкие оценки внутренних мотивов взаимоотношений героев. Однако ряд суждений, как мы полагаем, требует в настоящее время серьезной корректировки, особенно в той части, которая связана с пониманием «трагического значения любви», характера этого «трагического» и роли религиозности Лизы, а также особенностей национальной идеи и культурной памяти.

Источники

1. Макаренко, 1957 — 《教育诗》，马卡连科著，磊然译。 — 北京：人民文学出版社，1957年。 — 296页 (Макаренко А. С. Педагогическая поэма / А. С. Макаренко ; пер. Лэй Жэнь. — Пекин : Народная литература, 1957. — 296 с.)
2. Полевой, 1949 — 《真正的人》，波列伏伊著，磊然译。 — 上海：时代出版社，1949年。 — 416页 (Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке / Б. Н. Полевой ; пер. Лэй Жэнь. — Шанхай : Эпоха, 1949. — 416 с.)
3. Пушкин, 1951 — 《射击》，普希金著，磊然译。 — 上海：时代出版社，1951年。 — 47页 (Пушкин А. С. Выстрел / А. С. Пушкин ; пер. Лэй Жэнь. Шанхай : Эпоха, 1951. — 47 с.)
4. Пушкин, 1951 — 《村姑小姐》，普希金著，磊然译。 — 上海：时代出版社，1947年。 — 69页 (Пушкин А. С. Барышня крестьянка / А. С. Пушкин. — Шанхай : Эпоха, 1947. — 69 с.)
5. Симонов, 1946 — 《日日夜夜》，西蒙诺夫著，磊然译。 — 上海：时代出版社，1946年。 — 561页 (Симонов К. М. Дни и ночи / К. М. Симонов ; пер. Лэй Жэнь. — Шанхай : Эпоха, 1946. — 561 с.)
6. Тургенев, 1955 — 《贵族之家》，屠格涅夫著，磊然译。 — 北京：人民文学出版社，1955年。 — 197页 (Тургенев И. С. Дворянское гнездо / И. С. Тургенев ; пер. Лэй Жэнь. — Пекин : Народная литература, 1955. — 197 с.)
7. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. / И. С. Тургенев — Москва : Наука, 1981. — Т. 6. — 496 с.
8. Тургенев, 1990 — 《罗亭》，屠格涅夫著，磊然译。 — 北京：人民文学出版社，1990年。 — 156页 (Тургенев И. С. Рудин / И. С. Тургенев ; пер. Лэй Жэнь. Пекин : Народная литература, 1990. — 156 с.)
9. Фадеев, 1963 — 《最后一个乌兑格人》，法捷耶夫著，磊然译。 — 北京：人民文学出版社，1963年。 — 720页 (Фадеев А. А. Последний из Удэге / А. А. Фадеев ; пер. Лэй Жэнь. Пекин : Народная литература, 1963. — 720 с.)

Литература

1. *Беляева И. А.* Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» как социальный проект в литературе / И. А. Беляева // Тургенев и либеральная идея в России. — Пермь : Изд-во Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2018а. — С. 148—158.
2. *Беляева И. А.* Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» : «мир прекрасных чувств национального бытия» / И. А. Беляева // Классики и современность : Гоголь, Тургенев, Горький. Серия «Библиотека Язык и литература». — 2018б. — № 2. — С. 223—257.
3. Сюй Буцзэн, 2011 — 许步曾, 怀念姐姐许磊然, 兼忆上海往事//新文学史料. — 北京: 人民文学出版社, 2011年, 第1期. — 第151—156页 (*Сюй Буцзэн*. Воспоминание о моей сестре Лэй Жэнь и прошлой жизни в Шанхае / Буцзэн. Сюй // Исторические материалы новой литературы. — Пекин : Народная литература. — 2011. — № 1. — С. 151—156).
4. *Чэнь Яньсю.* Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в переводах и оценках Ли Ни / Яньсю Чэнь // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2017. — Т. 29. № 3. — С. 31—34.

“The Noble Nest” of I. S. Turgenev in Assessing Translator Lei Ran: on the Issue of the Novel Reception in China

© **Chen Yanxiu (2019)**, orcid.org/0000-0003-4974-0993, post-graduate student, Department of History of Russian Language, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), chenyanxiu001@gmail.com.

© **Belyaeva Irina Anatolyevna (2019)**, orcid.org/0000-0003-2840-4034, Doctor of Philology, Professor, Department of History of Russian Language, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), belyaeva-i@mail.ru.

In the framework of the general question about the perception of Turgenev's novel “The Noble Nest” in China, in the article the assessments of this work were examined, which were proposed by the famous Chinese translator and connoisseur of Russian culture Lei Ran. The novelty of the research lies in the fact that the article for the first time analyzes the position of the translator, which is different in depth and represents a systematic assessment of the novel. The strengths of Lei Ran's reception of “The Noble Nest” are connected with the translator's observations on the poetics of this work (plot structure, contrasts and comparisons, psychologism, brevity, lyricism, etc.), as well with her reflections on the problems of interaction between western sentiments and national ideas. Lei Ran's assessments of religiosity of the main female character and religious beliefs that in general distinguish Russian culture seem controversial. The translator sees in them the objective and subjective conditionality of the tragic outcome of the personal history of the main characters in Turgenev's novel. This generally corresponds to the nature of the perception of these issues by the Chinese society, but hardly reflects the Russian realities.

Interpretation of the novel "The Noble Nest", proposed by Lei Ran, is estimated in the article as an important stage of the Chinese "turgeniana".

Keywords: Turgenev, "The Noble Nest", Lei Ran, translation, perception, novel hero, poetics.

Material resources

Fadeyev, A. A., Ley, Zhan (per.) (1963). *Posledniy iz Udege*. Pekin: Narodnaya literatura. (In Chin.).

Makarenko, A. S., Ley, Zhan (per.) (1957). *Pedagogicheskaya poema*. Pekin: Narodnaya literatura. (In Chin.).

Polevoy, B. N., Ley, Zhan (per.) (1949). *Povest' o nastoyashchem cheloveke*. Shankhay: Epokha. (In Chin.).

Pushkin, A. S., Ley, Zhan (per.) (1947). *Baryshnya krestyanka*. Shankhay: Epokha. (In Chin.).

Pushkin, A. S., Ley, Zhan (per.) (1951). *Vystrel*. Shankhay: Epokha. (In Chin.).

Simonov, K. M., Ley, Zhan (per.) (1946). *Dni i nochi*. Shankhay: Epokha. (In Chin.).

Turgenev, I. S., Ley, Zhan (per.) (1955). *Dvoryanskoye gnezdo*. Pekin: Narodnaya literatura. (In Chin.).

Turgenev, I. S. (1981). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t., 6*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Turgenev, I. S., Ley, Zhan (per.) (1990). *Rudin*. Pekin: Narodnaya literatura. (In Chin.).

References

Belyayeva, I. A. (2018a). Roman I. S. Turgeneva «Dvoryanskoye gnezdo» kak sotsialnyy proekt v literature. In: *Turgenev i liberalnaya ideya v Rossii*. Perm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 148—158. (In Russ.).

Belyayeva, I. A. (2018b). Roman I. S. Turgeneva «Dvoryanskoye gnezdo»: «mir prekrasnykh chuvstv natsionalnogo bytiya». In: *Klassiki i sovremennost': Gogol', Turgenev, Gorkiy. Seriya «Biblioteka Yazyk i literatura», 2*: 223—257. (In Russ.).

Chen Yansyu. (2017). Roman I. S. Turgeneva «Dvoryanskoye gnezdo» v perevodakh i otsenkakh Li Ni. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 29 (3): 31—34. (In Russ.).

Syuy, Butsen. (2011). Vospominaniye ob moyey sestre Ley Zhan i proshloy zhizni v Shankhaye. *Istoricheskiye materialy novoy literatury, 1*: 151—156. (In Chin.).